

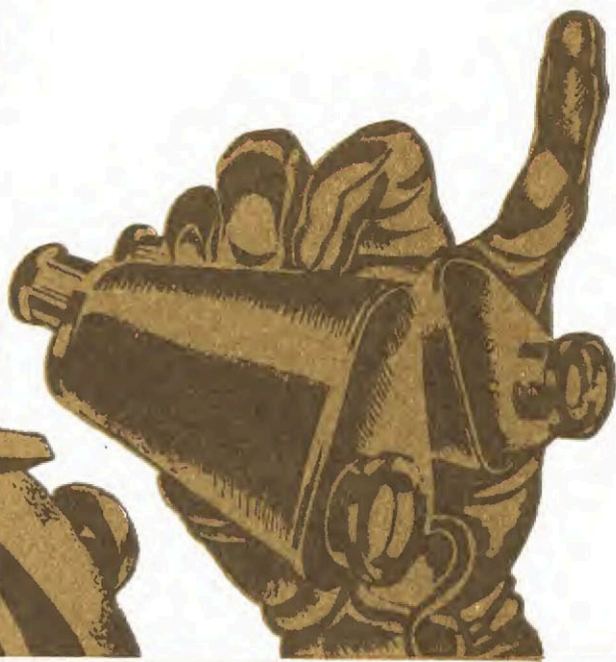
ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

ЮДЕНИЧ

ПОД

ПЕТРОГРАДОМ

ЮДЕНИЧ ПОД ПЕТРОГРАДОМ

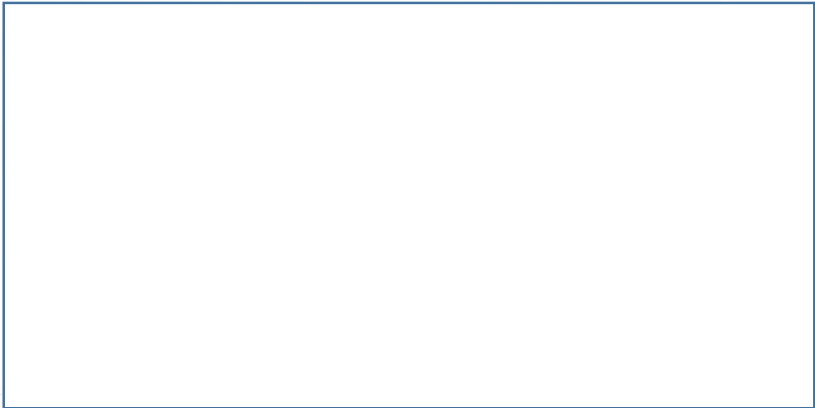
ИЗ БЕЛЫХ МЕМОУАРОВ

В. Горн, М. С. Маргудиев,
Г. Қирдецов, Н. Н. Иванов

Редакция П. Е. ЩЕГОЛЕВА

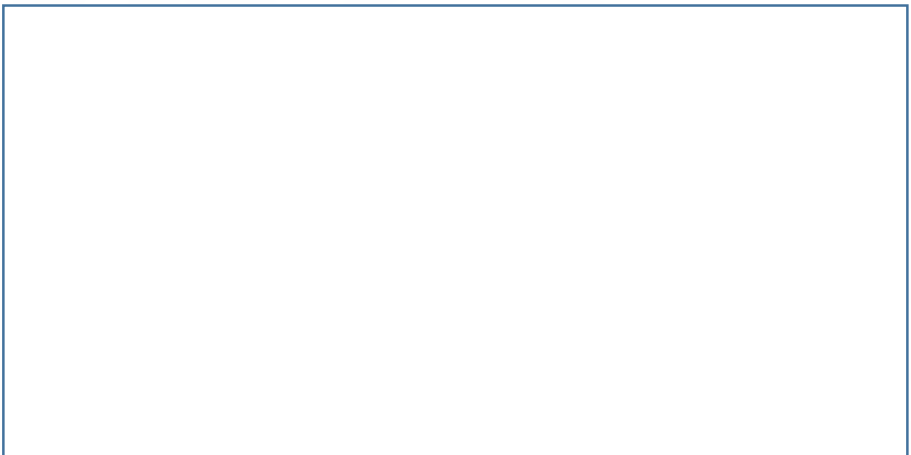
Предисловие Л. КИТАЕВА

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД — 1927

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Китаев.</i> Вместо предисловия	3
<i>В. Горн.</i> Гражданская война в Северо-Западной России	9
<i>М. С. Маргулис.</i> Из дневника	163
<i>Г. Кирдецов.</i> У ворот Петрограда	203
<i>Н. Н. Иванов.</i> О событиях под Петроградом в 1919 году	243

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

I.

Действующие лица великой исторической драмы — русской революции остаются одни и те же на всем пространстве, охваченном этой революцией. Мы имеем, например, определенный шаблон контр-революционного движения, шаблон, нашедший рельефное и красочное выражение в советском агитационном плакате. Золотопогонный генерал, помещик и банкир, сельский поп и купец-кулак, вот главные персонажи вражеского стана, над которыми занесена карающая десница революции. Как ни далек путь от агит-плаката в три краски до социологической конструкции, но все же в конце его, в качестве конечного результата нашего анализа, мы опять найдем то сочетание контр-революционных сил, которое нашло свое выражение и запечатление в плакате. Именно такова была группировка сил по ту сторону баррикады, именно таков и был социальный базис белого движения. Но были же, конечно, и индивидуальные черты у каждого участка гражданской войны. Не говоря уже об основном противопоставлении контр-революции генеральской и демократической, можно найти своеобразные, индивидуальные черты у каждого генерала, давшего свое имя тому или иному периоду, тому или иному эпизоду гражданской войны. За каждым из них было известное своеобразие обстановки, прежде всего географическое, а потому и своеобразие обстановки политической. Колчак и Деникин, возьмем самые крупные имена, представляют собой разноставные, отнюдь не совпадающие величины. Когда представители Деникина, во главе с правым земцем Червен-Водали, прибыли осенью 19-го года в Омск, они были поражены громоздкостью и разветвленностью правительствен-

ного аппарата. В небольшом городе Западной Сибири были собраны все учреждения, обслуживающие Российскую империю. Все министерства вплоть до морского, судебные установления всевозможного ранга и порядка и т. д. и т. д. Здесь город кишел министрами, товарищами министров, директорами департаментов. И все эти посты заняты были никому неизвестными людьми. Экзотические генералы из туркестанских исправников с литературно-удвоенными фамилиями, вроде Иванова-Ринова, доморощенные финансовые гении, вроде приват-доцента с уголовно-политическим прошлым, Михайлова, дипломаты со звучными фамилиями вроде Сукина — это был целый мир интриг и карьер, великолепный фасад всероссийской власти, так импониравший представителям Деникинского юга. Колчаковская бюрократия вышла из рядов хищнической и авантюристической по природе кулацкой сибирской интеллигенции. На юге ей противостояли обломки царской бюрократии, остатки правительственного аппарата павшей монархии. В обозе Добрармии следовали бывшие губернаторы и полицмейстеры, губернские и уездные предводители дворянства, околоточные надзиратели и шпики — цвет царских охранных отделений. — Аппарат разворачивался постепенно, будучи скорее придатком армии и военных учреждений. Не мудрствуя лукаво, царские сановники копировали приемы и навыки императорской администрации. Здесь не было таких *selfmade-man*, как в Сибири, но были поседевшие в придворной интриге бюрократы, вроде Кривошеина, генералы русско-японской войны, вроде Лукомского и, наконец, настоящие, прямо взятые из здания у Цепного моста дипломаты, вроде Нератова. Все это было менее пестро, но явственно реакционнее, чем в Сибири.

И, наконец, был еще один фронт. Вспомним осень 19-го года. На востоке за Уральским хребтом Колчак, на юге Деникин, в Архангельске Миллер и англичане и, наконец, на северо-западе у самых ворот революционного Петрограда еще один «из стаи славных» — Юденич.

II.

Это очень пестрое и сумбурное предприятие — этот поход Юденича. В тылу белые правительства окраинных го-

сударств, Эстонии и Финляндии в первую голову, под Ригой немцы-добровольцы, армия Бермонда-Авалова, в Ревеле дирижерская палочка в руках англичан, а впереди голодный и холодный, обороняемый босыми и раздетыми красноармейцами — город революции Петроград. Петроград — здесь начался большевизм, здесь ему должен быть нанесен смертельный удар. Петроград, вот цель похода и стимул борьбы.

Мы знаем и помним борьбу и ее исход. Петроград, окутанный проволокой, с минированными мостами и площадями, выбрасывающий на свои окраины под тревожные звуки заводских гудков отряд за отрядом рабочей молодежи, Петроград, готовый к обороне за городом и в городе, на каждой улице и в каждом доме. Мы знаем героическую часть эпопеи, историю обороны, но мы все еще не знаем достаточно хорошо историю нападения, историю творившуюся по ту сторону революционной баррикады. Наш сборник предлагает читателю несколько документов, исходящих из белого лагеря и помогающих уяснить картину возникновения, развития и конечного разложения движения, возглавленного ген. Юденичем. Колорит Юденической авантюры не тот, или вернее не совсем тот, что у Колчака или Деникина. Прежде всего, здесь чрезвычайно ярко выступает роль интервенции и интервентов в нашей гражданской войне. Все предприятие Юденича создано при ближайшем участии, едва ли не по инициативе англичан. Нигде так цинично, так нагло не вели себя военные и штатские агенты британского империализма. Чего стоит одна история образования северо-западного правительства! Русские «политики» всех мастей и оттенков в приемной английского генерала. 40 минут на образование правительства по списку, оглашенному Маршем. И порывисто-резкий окрик генерала: «Иначе мы будем вас бросать».

Другой момент, крайне характерный для сев.-западной эпопеи — это роль так называемой «демократии». В Сибири эра демократов закончилась переворотом 18 ноября 1918 г. и кровавой декабрьской баней в Омских тюрьмах. У Деникина демократам ходу не дали с самого начала, и Милюков слыл у него опаснейшим радикалом и якобинцем. У Юденича демократы парадировали на первых ролях, с министерскими

портфелями подмышкой. Правда, это все демократы второстепенные, Керенские и Черновы в масштабе Гдовского уезда, но это только лишний раз подчеркивает их гонор и амбицию. И в то же время действительная их роль при Юдениче, при его военной клике не менее бесславна, чем роль эс-эров в Сибири в до-колчаковский период. Сев.-Зап. правительство терпели и здесь до поры, до времени, оно было нужно для того, чтобы наладить отношения с союзниками, для того, чтобы пустить пыль в глаза каким-нибудь финнам и эстонцам. Если что-либо и доказывает кратковременная история Сев.-Зап. правительства, так это именно полную неспособность «демократов» реализовать свою очень скромную, очень урезанную программу. Да и сами демократы не особенно ошибались при оценке своего удельного веса. Хорошо правительство, члены которого боятся угодить на виселицу в случае победы их собственной армии. Чего стоит только обращение Маргулиеса к врачу-знакомцу Клемансо с просьбой предотвратить ужасы белого террора в «освобожденном» Петрограде. Жалкие министры! Жалкие демократы!..

III.

Отрывки, из которых составлен наш сборник, принадлежат четырем разным лицам. Общее между ними то, что они все номинально — по крайней мере — считают себя демократами. На левом фланге В. Л. Горн, представитель давно вымершей породы левых кадетов, почему-то упорно именовавших себя «социал-демократами»-плекхановцами. Это очень «невинный» человек, наделенный добродетелями и кругозором учителя провинциальной гимназии. Он написал обширную историю «Гражданской войны в Северо-Западной России». Этот труд производит впечатление добросовестной и достаточно полной хроники событий. Из него сделаны извлечения наиболее ярких, наиболее интересных мест. Пришлось выкинуть политическое резюме, заканчивающее книгу. Оно слишком длинно и размазано. А жаль! Уж очень красочен этот незадачливый «государственный контролер», искренне считающий себя «плекхановцем» и печалующийся

вместе с тем о душе русского народа по Достоевскому и о жарких народных молитвах.

Другого калибра человек — М. С. Маргулиес. Человек столичный и светский. Адвокат. Один из защитников по процессу Петроградского Совета Рабочих Депутатов 1905 г. Делец недюжинного размаха. В своих мемуарах, выпущенных под заглавием «Год интервенции», он выступает перед нами в своеобразном облики политического Фигаро. Он и в Одессе, и в Яссах, и в Париже, и в Нарве. Левый кадет по всему своему складу, он оказался, однако, человеком очень гибкой политической физиономии, не брезгающим соседства с прямо-таки черносотенными элементами. В своем дневнике он развязан, чуть пространен, в меру скептичен и не в меру самодоволен. Но обстановка белого тыла схвачена у него моментами очень ярко. Мы дали извлечения из III книги его «Года интервенции».

Остаются еще двое. Г. Л. Кирдецов — кадет, журналист из «Речи» и «Современного Слова»; мы воспользовались его книгой «У ворот Петрограда». Необходимо упомянуть, что Кирдецов впоследствии выступил за границей одним из видных литературных представителей «сменовеховского» движения. Что касается Н. Н. Иванова, то читатель найдет и у Горна и Маргулиеса достаточно нелицезных отзывов о «министре общественных работ» Северо-Западного правительства. Очевидно, он и в самом деле авантюрист и жулик первой марки. Поэтому его мемуарами пришлось воспользоваться с большой осторожностью. В прошлом Н. Н. Иванов незаметный помощник присяжного поверенного в Петрограде, выплывший впервые в 1918 году.

IV.

Воля русского рабочего класса определила исход борьбы за Петроград. Напрасно собирался Маргулиес тревожить знакомцев Клемансо, и не челяди антантовских министров обязан Петроград тем, что его улицы не запятнали виселицы Юденических палачей. Сколько предотвращений крови, предотвращенных бедствий! И, читая мемуары бывших людей из Северо-Западного правительства, мы с благодарностью вспоминаем бойцов, оборонявших и оборо-

нивших Петроград, вождей и солдат революционной армии. Ну, а авторы наших мемуаров? Рано или поздно все они осознали свою неудачу. «Все поражены, — одни большевики победили», — записал Маргулиес 29-го ноября 1919 года, и, как бы предвидя унылую безнадежность бесконечно долгих лет эмиграции, тут же добавил: «Русская публика притихла, озирается; Кедрин вчера уехал в Париж».

Л. Китаев.

В. ГОРН

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРО-
ЗАПАДНОЙ РОССИИ**

I. БАЛАХОВИЧ ВО ПСКОВЕ.

Спустя четыре дня после прихода эстонцев однажды вечером в Псков пожаловал «атаман крестьянских и партизанских отрядов», подполковник Булак-Балахович. Отряд солдат, прибывший с ним, был частью конный, частью пеший, в общем весьма небольшой и не внушавший впечатления сколько-нибудь серьезной силы. «Войском» эту кучку вооруженных людей можно было называть только по недоразумению. Тем не менее улица встретила «атамана» с большим воодушевлением. По городу долго раздавалось восторженное «ура». Многих радовал самый факт прибытия своих русских солдат. Чужое, как ни прочно спаять за его спиной, все-таки было чужое, а, кроме того, экзальтированности толпы способствовал и сам Балахович своими речами, полными пафоса и бесшабашной похвальбы.

— Я командую красными еще более, чем белыми, — кричал Балахович толпе. — Красноармейцы и мобилизованные хорошо знают, что я не враг им, и в точности исполняют мои приказания... — Я воюю с большевиками не за царскую, не за помещичью Россию, а за новое учредительное собрание... — Я предоставляю обществу свободно решить, кого из арестованных или подозреваемых освободить и кого покарать. Всех, за кого вы поручитесь, я отпускаю на свободу. Коммунистов же и убийц повешу до единого человека...

Утро следующего дня сразу показало нам — псковичам, какого рода порядки привез в Псков Балахович.

Опять толпы народа в центре и на базаре. Но не слышно ликующих победных криков, нет и радости на лицах. Изредка мелькнет гаденькая улыбка какого-нибудь удовлетворенного в своих чувствах дубровинца, мелькнет и поскорее спрячется. Большинство встречных хмуро отмалчивается и неохотно отвечает на вопросы.

— Там, — говорит мне какая-то женщина, — идите на площадь, и на Великолуцкую...

Я пошел и увидел. Среди массы глазающего народа высоко на фонаре качался труп полураздетого мужчины.

Около самого фонаря, видимо, с жгучим любопытством, вертелась разная детвора, поодаль стояли и смотрели взрослые. День был ненастный, дул ветер, шел дождь, волосы на трупе были мокрые.

Помню, что я не мог без содрогания смотреть на эту ужасную картину и бросился с площади на тротуар. Там стояли какие-то люди, и один из них, обращая ко мне, сказал: «Зачем это? Кому это нужно? А дети, — зачем им такое зрелище?..» В тот день еще висело четыре трупа на Великолуцкой улице, около здания государственного банка, тоже на фонарях один за другим в линию по тротуару.

Народу впервые давалось невиданное им доселе зрелище, инициатива которого всецело принадлежала «белым». Насколько помню, вначале было такое впечатление, что толпа просто онемела от неожиданности и чрезвычайной остроты впечатления, но потом это прошло. Постепенно, изо дня в день, Балахович приучил ее к зрелищу казни, и в зрителях этих драм обыкновенно не было недостатка. Некоторые часами ждали назначенных казней.

Вешали людей во все время управления «белых» псковским краем. Долгое время этой процедурой распоряжался сам Балахович, доходя в издевательствах над обреченной жертвой почти до садизма. Казнимого он заставлял самого себе делать петлю и самому вешаться, а когда человек начинал сильно мучиться в петле и болтать ногами, приказывал солдатам тянуть его за ноги вниз. Часто, прежде, чем повесить, он вступал в диспуты с жертвой, импровизируя над казнимым «суд народа».

— Ты говоришь, что не виноват. Хорошо. Я отпущу тебя, если здесь в толпе есть люди, которые знают, что ты не виноват, и поручатся передо мною за тебя...

Поручителей почти никогда не находилось. Да и немудрено. Раз как-то в толпе раздался жалостливый женский голос в пользу казнимого. Балахович, который присутствовал на казни обычно верхом на коне, быстро со свирепым лицом обернулся в седле и грозно крикнул: «Кто, кто говорит тут за него, выходи сюда вперед, кто хочет его защитить». Жесты и лицо были столь красноречивы, что раз навсегда отбили охоту вступаться за приговоренного к смерти. Балахович повесил даже тогда, когда за одного из обреченных ручалась не какая-нибудь там простая женщина, а видный член псковского общества, крупный домовладелец. Ничего не помогало: слова о «народном суде» были только ширмой для неистовствовавшего Балаховича.

Все казни производились всегда днем, в первый месяц неизменно в центре города, на фонарях. А так как столбы фонарей были трехгранные железные, то нередко вешали

зараз трое, и трупы висели на фонаре гирляндами, иногда в течение всего дня. Особенно почему-то возлюбил Балахович фонарь против одного еврейского музыкального магазина, хозяин которого из-за казней долгое время не открывал своей торговли.

Позже, в июле месяце, по протесту представителей союзников, в центре города казни были прекращены. Но зато была устроена постоянная виселица с двумя крюками и боковыми стремянками к перекладине; эту виселицу воздвигли непосредственно за старинной псковской стеной, на сенном рынке, то-есть опять таки в кругу жилых строений.

Позже Балахович приказал выкопать из могил, устроенных в центре города, в Кадетском саду, похороненных там с почестями красноармейцев. Осклизлые гробы, частью вскрытые, с полусгнившими покойниками стояли после этого в саду целый день. Приходили из деревень какие-то бабы и жалобно плакали возле гробов.

Казни на виселицах обставлялись также публично и всенародно. Здесь я сам в июле видел такую кошмарную сцену.

Вешали двоих. Так как стремянки к перекладине были приделаны по бокам, на основных столбах, то каждый обреченный должен был сначала залезть сам к перекладине, а затем, одев петлю, чтобы приобрести перпендикулярное к земле положение и повеситься, броситься с петлей на шею в пространство. Первый из самовешающихся проделал подобную операцию удачно для своей смерти, второй же сделал, видимо, слишком энергичный прыжок, веревка не выдержала, оборвалась, и он упал на землю. Поднявшись с петлей на шею на ноги, несчастный дрожит и молит публику заступиться за него. Кругом гробовое молчание, только вздохи. В это время солдат сделал новую петлю. «Лезь», — кричит офицер. Парень снова лезет по стремянке, кидается в петлю и на этот раз быстро расстается с жизнью.

Одну из таких сцен сняли для кинематографа американцы и впоследствии показывали ее где-то в Америке, пока это не запретили американские власти.

Кто же были эти ежедневные, на протяжении двух с половиной месяцев, жертвы?

В начале просто «пыль людская» — воришки, мелкие мародеры, красноармейцы (но отнюдь не комиссары или даже рядовые коммунисты — этих Балаховичу не удалось поймать); после — контр-разведка Балаховича, под руководством знаменитого полковника Энгельгардта, специально занялась крестьянством. Создавались дутые обвинения в большевизме, преимущественно в отношении зажиточных людей, и жертве предстояла только одна дилемма: или откупись, или иди на виселицу. Более состоятельные кре-

стьяне отделялись карманом, а замешавшаяся в энгельгардтовых сетях беднота расплачивалась жизнью. При отсутствии гласного суда, при наличии корыстного застенка, во время гражданской междоусобицы, когда каждый человек, желал он того или не желал, силою вещей должен был соприкоснуться с той или другой из воюющих сторон, обвинение в большевизме создавалось с необыкновенной легкостью.

Я нарочно остановился подробнее на псковских казнях. То, что творил в Пскове Балахович и его присные, я думаю, превзошло все меры жестокости «белых», когда-либо и где-либо содеянные. Балахович не только глумился над казнями в последний их смертный час, но он, попутно садически растлевал чистые души глазующих на казнь малышей, а в толпе темной черни культивировал и распалал самые зверские инстинкты. Этот несомненно больной офицер совершенно не понимал, что самым фактом публичности казней, их кошмарной обстановкой он не утишал разбухшего в человеке зверя, а наоборот, как бы поставил себе определенной задачей — возможно дольше поддержать это зверское состояние в человеке.

Большевики не остались в долгу: они превосходно использовали казни Балаховича в своих прокламациях к белым солдатам. Белому командованию вскоре пришлось пожать горькие плоды этой агитации.

Справедливость требует, однако, сказать, что Балахович не был одинок в своих мероприятиях. Идейная санкция его действий пришла вместе с ним, в виде подчиненного ему Управления по гражданскому «устроению» псковского края. Русская гражданская власть пришла к нам, как и Балахович, тоже с демократическим знаменем, но во все время своего существования только и делала, что глумилась над демократическими идеями, да, вопреки жестокой действительности и здравому смыслу, базарно восхваляла своего «батюку».

Через сутки после прихода Балаховича, в городе появилась газета «Новая Россия освобождаемая», а в ней приказ Балаховича № 1 такого содержания:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказа главнокомандующего эстонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса Северной армии, принял командование военными силами Псковского района.

Комендантом Псковско-Гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом гор. Пскова назначается капитан Макаров.

В виду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устроению местной жизни и невозможности

задерживать местное устройство, — право и обязанности местной гражданской власти временно вручаю образуящемуся из пользующихся общественным доверием лиц Общественному Гражданскому Управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественным силам Народные Белые Войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устройство и общественность.

Населению предлагаю сохранять спокойствие. Мои попытки победоносно продолжать свое наступление. Все попытки противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов и командующий войсками Псковского и Гдовского районов,

подполковник Булак-Балахович».

30 мая 1919 г.

За приказом № 1 в том же номере без подписи был помещен приказ нового «общественного гражданского управления» с предложением всем должностным лицам по назначению явиться 31 мая к 3 часам дня в здание бывшей городской управы к председателю гражданского управления.

Что это за персона — председатель общественного гражданского управления — из официальных приказов, напечатанных в газете, не усматривалось. Лишь в хронике частным образом было сказано, что «устройство гражданского управления в Пскове и губернии вручено русскому представителю в Эстонии и представителю противобольшевистских организаций г. Иванову, уже наладившему таковое в гор. Гдове. Г. Иванов использует все местные общественные силы».

А почему неизвестный псковичам доселе г. Иванов оказался уже «председателем» еще имеющего быть организованным общественным управлением, сие опять осталось неизвестным. Станным также показалось отсутствие прямого приказа Балаховича вообще о каком-либо назначении г. Иванова. Все последующее объяснило эти странности: Балахович, как оказалось потом, сознательно избегал афишировать свои связи с г. Ивановым.

А пока сам этот г. Иванов анонимно в статье «от редакции» (кто редактор — по газете опять-таки не было видно) так характеризовал программу новой власти и личность ее руководителя:

«Народоправство в рамках назревших потребностей и здравого смысла — вот основа всех наших рассуждений и действий, и мы зафиксировали это свое убеждение в форме требования созыва нового учредительного собрания, изъявления воли которого требовал даже последний претендент на русский престол — великий князь Михаил Александрович.

Земля крестьянству — наше решение земельного вопроса. Предпочтение в смысле владения должно быть оказано не помещику, а крестьянину, который должен быть хозяином русской земли. На хуторском хозяйстве сошлись сейчас все, и принцип частной собственности утверждается и в этой области.

Частная инициатива и предприимчивость в области торговли и промышленности и в помощь им создание образцового транспорта характеризуют наши взгляды на хозяйственную политику страны.

Наша задача — примирение и удовлетворение всех слоев народа и на пути к ней занятие Пскова сыграет значительную роль, ибо население из наших действий увидит, зачем мы пришли — для угнетения народного или для помощи ему в его тяжких страданиях.

Нынче верят не словам, а делам.

И дела эти будут и уже есть.

Наши победы всем говорят, что всходит солнце новой России».

Ярко, сильно. В программной части несомненно верные, здравые мысли, но все это сразу же, так сказать, подсадила бьющая в глаза реклама Балаховича и «дела»... которые «уже есть». Первым шагом «демократа» Балаховича были ужасные казни и грабежи, первым шагом «демократа» Иванова — упразднение городского самоуправления, на функции которого до него не покушалась даже оккупационная немецкая власть. За позой пробивалась совсем другая суть, и только там, где совершенно невозможно было отвернуться от того, что «уже есть», и замолчать ужасные факты подлинной действительности, г. Иванов пытался подискать им некоторое идейное оправдание.

«Не можем мы, восставшие против рабства, нести это рабство своему народу. Мы хотели бы так осторожно ступать по родной почве, чтобы не раздавить ни одной былинки, но народная воля строга и непреклонна — и мы должны сотворить суд и расправу. Поднявший меч должен

от меча же погибнуть. Мы закалили свое сердце на эти дни народного гнева, и пусть народ верит нам».

Так оправдывались и менем народа гнусные сцены творимых Балаховичем казней. А в назидание и поучение сомневающимся внушительно говорилось в другой статье «Великая волна»:

«С нами бог. С нами народ. Знайте и покоряйтесь, убийцы».

На приеме многочисленного псковского чиновничества г. Иванов опять стал в позу. Он оказался незаурядным оратором и сказал большую речь, закончив ее довольно эффектно: «К старому возврата нет, наша цель — Учредительное Собрание, которое решит форму правления и нацертает аграрную реформу».

За «словами», чтобы им окончательно не верили, следовали снова «дела». Для надобностей города и войска Иванов предложил на другой день обложить евреев на 2 миллиона рублей контрибуции. Он стал уже записывать имена, которые ему услужливо подсказывал кто-то из местных жидоедов, но послышались протесты: «Почему только евреев, а не всех богатых купцов». Иванов не счел возможным мотивировать свою затаенную мысль, быстро убрал лист, сказав, что «обойдемся без того, достанем в штабе».

Спустя дня три после описанного случая, появился список целого ряда купцов, которые в трехдневный срок обязывались внести Балаховичу разные более или менее значительные суммы. В списке фигурировали, правда, не одни евреи, попадались изредка и христианские фамилии. Процедура взимания, судя по имеющийся у нас копии одного документа, была чрезвычайно проста.

1. Г... (такому-то). По приказанию командующего войсками Псковско-Гдовского района предлагаю прибыть в штаб, помещающийся в здании земского банка, к 5 час. вечера.

Офицер для поручений полк. Энгельгардт.

2. От гражданина... (того же самого) 20.000 (двадцать тысяч)

получил
12 VI — 1919 г.
Псков.

Ротмистр Звягинцев.

Печать штаба крестьянского и партизанского отряда атамана
Булак-Балаховича.

При крутом нраве Балаховича (Иванов в этой операции спрятался за спину «атамана») послушаться его зова никто

не мог. Купцы знали, зачем зовут, и несли, и несли и... торговались. Более упорных тут же арестовывали и отправляли в тюрьму. Сиди, пока не уплатишь всех денег, размышляй о «новом учредительном собрании». Таким путем собрали около 200.000 рублей — сумму по тому времени большую. О судьбе этих денег ходили потом весьма смутные и невыгодные для компании Балаховича слухи. Впоследствии, когда производилось расследование о всех злоупотреблениях чинов особой дивизии Балаховича, контр-разведка штаба заинтересовалась и сбором денег «на нужды армии».

«Ротмистр Звягинцев, — доносила она родственникам властям, — собрал по приказанию Начальника дивизии генерал-майора Булак-Балаховича с жителей города Пскова налог на нужды армии, в сумме около 200.000 рублей; куда пошли собранные деньги — выяснить из-за отсутствия отчетности, не представляется возможным. В виду же того, что все чины штаба особой дивизии вели широкий образ жизни, пьянствовали, шикарно одевались, — среди горожан создалось убеждение, что деньги эти пошли не на нужды армии, а на личные потребности чинов Штаба дивизии. Доказательством этому отчасти может служить и то обстоятельство, что действительно чины штаба особой дивизии, не получая жалованья, одевались в чрезвычайно дорогие и разнообразные костюмы, постоянно посещали клубы и благотворительные вечера, на которых тратили большие суммы денег».

Не довольствуясь сбором денег в более или менее прикрытой официальной форме, стали требовать денег неофициально. Главная статья была, конечно, «жиды» и угроза погромом им. Одновременно с этим офицеры и солдаты Балаховича шли по квартирам отнимать серебро, золото и деньги. Сопротивляющимся наносили побои. По словам псковского купца Г., евреев: В-ка били и велели ноги целовать, взяли все серебро и золото; А-ча били самого, жену и детей, пока не показал, где спрятано золото и серебро; все отобрали; М. ограбили и расстреляли и т. д.

В это время на фронте опомнившиеся большевики, видя, что эстонцы приостановили свое наступление, снова пытаются взять Псков. Настроение у всех обывателей подавленное. Вблизи города утром и вечером идет непрерывная артиллерийская канонада, а в самом городе бесчинствуют балаховцы.

Штурм большевиков удастся отбить. Действуют главным образом эстонцы, но это не мешает органу г-на Иванова перевозносить «батьку» до небес:

«Генералиссимус» Троцкий отдал приказ: не позже вечера покончить с Псковом.

Первоначально немногочисленная, выдвинувшаяся, изолированная кучка белых, казалось, была обречена на гибель.

Но великая волна, несущая освобождение и свободное устройство России, недаром поднялась в древнем Пскове.

Недаром на гребне волны этой гремит на всю северо-западную Россию легендарное имя народного героя «батьки» атамана Балаховича...

Разгром под Псковом открывает дорогу к сердцу страны.

Народный герой сказал уже свое слово:

«Партизаны, вперед! Дальше и дальше, по дороге на Москву!...»

Читали псковичи эту буффонаду и только руками разводили. Какая там Москва, когда большевики были от города всего верстах в 3—4, а «батькина» сотня стояла у почтовой конторы в центре города, готовая ежесекундно «эвакуироваться». Спасли дело эстонская артиллерия и их бронепоезда.

«Устройство» гражданской жизни шло тоже из рук вон плохо. С трудом удалось получить американский хлеб для населения. Между американцами и обывателями в роли дорогих комиссионеров начали, к удивлению обывателей, фигурировать эстонцы. «Мука прибыла пшеничная — идет в № 3 «Нов. России», — правда, за очень дорогую цену: она получена в обмен за двойное по весу количество льна». На вырученные за муку от обывателей деньги или путем натурального обмена с крестьянами город должен был накапливать запасы льна по указанному расчету и сдавать его эстонцам. Операция для неподготовленного для этого городского аппарата явно непосильная, да и нравственно неприемлемая: расценка, установленная эстонцами, была раз в десять меньше английской, так что эстонцы за муку, отпущенную им в кредит американцами для населения Эстонии, получали колоссальные барыши. На полномочии, выданном эстонским министром торговли А. Яксоном псковскому льнопромышленному товариществу на право закупки льна для эстонского правительства в пределах псковского района, значится такая надпись самого Балаховича, датированная 17 июня 1919 г.

«Так как население в завоеванных мною у большевиков местностях, а равно и мои войска, находятся в критическом положении по снабжению их хлебом и продуктами, настоящим свидетельствую свою готовность оказать полное содей-

стве псковскому льнопромышленному товариществу в меновой торговле продуктами на лен для эстонского правительства. Командующий войсками Псковского района полк. Булак-Балахович».

Эстонское правительство стремилось тогда скупить подешевле весь псковский лен, чтобы образовать для своего казначейства прочный валютный фонд. Весь лен шел на английские рынки и очень выгодно для эстонских финансов переплавлялся в фунты, черную же работу содействия этой операции у нас на месте «с готовностью» взял на себя г. Балахович. Нетрудно себе представить во что вылилось такое содействие «меновой торговле» в атмосфере воцарившегося при «батяке» террора и произвола. При поддержке Балаховича, несдерживаемые ничем в своих узко-эгоистических аппетитах, новые предприниматели стремились отнять у псковского населения буквально за гроши единственно ценный и при том последний оставшийся у него продукт обмена. Эстонцы тогда переживали, да и теперь еще переживают, период стадии первоначального накопления ресурсов своей молодой государственности и потому с лихорадочной поспешностью стремились использовать все открывавшиеся к тому возможности.

Кстати, тут было бы уместно вспомнить о своеобразном вождлении эстонцев к обывательским телефонам. Телефоны эти, выражаясь терминологией того времени, так таки и были «усовдепены», но, кроме телефонов, им понравился, например, механический завод нашего купца Штейна. Они и к нему протянули свои руки. Штейн по национальности латыш, коренной наш обыватель и бывший гласный думы, в момент прихода Балаховича находился в Риге.

В моих материалах имеется такого рода «договор»:

«Так как эстонскими войсками был взят Псков, то с моей стороны препятствий не встречается к эвакуации «завода Штейна» в половинном размере в Эстляндию. На основании условий о военных добычах с представителем Эстонской республики в Пскове штабс-капитаном (таким-то).

Командующий войсками Гдово-Псковского района,
Полковник Булак-Балахович».

20 мая 1919 г.

Печать Начальника конвоя Атамана Булак-Балаховича.

Не помню, удалось ли эстонцам воспользоваться хотя бы половиной завода Штейна, но в этом документе характерно все от начала до конца. Наедине с эстонцами Балахович, конечно, не мог нести того вздора об освобождении Пскова, которым наполняли русскую газету его

барды для околпачивания легковерных, если они были; нет — тут он определенно признает, что Псков был взят эстонскими войсками, взят как неприятельский город, имущество которого является добычей победителя. И такая трактовка положения города допускалась в освободительной гражданской войне. То, что город взяли эстонцы, а не русские, в данном случае значения не имеет, так как формально командующим всеми оперировавшими тогда против большевиков войсками, т.е. русскими и эстонскими, считался эстонский главнокомандующий ген. Лайдонер.

Июнь приближался к концу, а в городе и уезде не было и намек на правосудие. Свирепствовали во всю контр-разведчик полк. Энгельгардт и комендант края подполковник Куражев. Нуждаясь в деньгах для армии, а еще больше для кутежей, представители местной власти начали печатать фальшивые деньги-керенки. Эти деньги офицеры стали спускать хозяевам ресторанов, в которых кутили, разным поставщикам, крестьянам по деревням. Керенки печатались в глубокой тайне; сначала в особой комнате в гостинице «Лондон», а позже чуть ли не в самой районной комендатуре. В преступную организацию входили все самые видные члены «баткиной ставки» — полковник Энгельгардт, Стоякин, Куражев, Якобс, а также инициатор этой затеи — «редактор» местной газеты и в то же время помощник районного коменданта Афанасьев. Знал ли Иванов про всю махинацию — мне неизвестно; кажется, фабрика открылась уже после его исчезновения из Пскова.

Нелишним будет, однако, отметить, что идея такого предприятия, обставленная, разумеется, соображениями «блага белого дела», родилась первоначально в недрах штаба ген. Родзянко. Факт этот — сколь ни ароматна сама по себе такая идея, после заявления членов б. Политического Сопещения при генерале Юдениче, является совершенно установленным. «Нужды на фронте и в тылу (пишут эти члены), никакого отлагательства не допускали. И насколько там положение было критическое доказывает то, что из Северного Корпуса поступило к генералу Юденичу представление о разрешении печатать фальшивые керенки. Представление это было, конечно, отклонено». Предложение отклонили, а подготовленная для выполнения плана техническая организация, в лице инженера Тешнера, осталась; его-то и «пленил» у себя в Пскове Балахович. Разобрав в чем дело, Тешнер вначале пытался бежать из Пскова, но его поймали и под конвоем солдат снова водворили в «псковскую экспедицию» заготовления фальшивых керенок.

Ни фальшивки, ни поборы с населения нисколько не улучшили материального положения солдат Балаховича. Они попрежнему были плохо одеты, обуты, плохо накормлены. Наоборот, эстонские войска производили хорошее впечатление; все прекрасно экипированные, достаточно дисциплинированные, крепкие, здоровые ребята. Тяжело было смотреть на эту резкую разницу. Правда, справедливость требует сказать, Балахович был повинен в плохом состоянии своих солдат только отчасти. Нужды армии во много превосходили суммы, собранные тем или иным путем с населения, но скверно было то, что даже собранные деньги не шли по своему назначению. Все вместе взятое в значительной степени подрывало боеспособность русских солдат; кроме того, в последнее время стало чувствоваться, что у них вообще нет той действительной поддержки со стороны населения, которая была несомненно на первых порах и которую имели эстонские солдаты у собственного населения, доволно деятельно поддерживавшего свою армию.

Желая внести в жизнь хотя какое-нибудь организующее начало и, так сказать, дыханием общественности смягчить творящиеся безобразия— псковская интеллигенция пытается возобновить закрытую еще большевиками демократическую газету «Псковская Жизнь».

Этот орган существовал в Пскове ровно 10 лет и завоевал себе большие симпатии у населения. Особенностью «Псковской Жизни» было то, что она являлась подлинным детищем местной интеллигенции. В свое время денежный фонд газеты образовался из мелких паев местной интеллигенции, как-то: врачей, учителей, адвокатов, чиновников, при чем в состав редакции на равных началах вошли кадеты, эс-эры и эс-деки. Работа шла хорошо и дружно вплоть до открытия всероссийского учредительного собрания, когда небезывестный матрос Панюшкин явился в редакцию и, грозя редактору винтовкой, учинил в помещении полный разгром, закрыв газету «за контр-революционность».

Хотя Балахович с Ивановым, казалось бы, должны были действовать в обратном Панюшкину направлении, члены редакции «Пск. Жизни» так-таки и не дождались от них ответа на свое ходатайство об открытии газеты. Иванов явно боялся голоса здоровой общественной критики, справедливо полагая, что от него и Балаховича в действительности потребуют перейти от либеральных слов к делу. Вместо неприятной «Пск. Жизни» Балахович дал позже разрешение на открытие другой газеты «Возрождение», но того же типа, что и газета Иванова — «Нов. Росс. осв.». Эта вторая газета также стала замалчивать все безобразия «баткиного» ре-

жима и необыкновенно раздувать его мнимые доблести. Редактором газеты оказался помощник районного коменданта упомянутый выше Афанасьев. Произведя крупную растрату казенных сумм, отнюдь не на газетные надобности, он впоследствии скрылся.

Несмотря на установившуюся таким образом атмосферу полного и вынужденного молчания общественности, в частных разговорах Иванову нередко приходилось наткаться на недоуменные вопросы по поводу заведенных им и Балаховичем полицейских порядков. Чаще всего, конечно, говорилось об упразднении органов общественного самоуправления. На это газета «Нов. Росс. осв.» устами Иванова обычно отвечала целым рядом софизмов. В переживаемый момент «клочкового» воссоздания России земское и городское самоуправление, рассчитанные на другое время, по мнению газеты, абсолютно непригодны. Нужны организации, совмещающие в себе функции правительственных учреждений и органов самоуправления и такой панацеей являлись пресловутые общественные гражданские управления (городские, уездные, волостные). Слово «общественные» тут следовало взять дважды, трижды в кавычках, потому что те учреждения, которыми облагодетельствовал нас г. Иванов, были сплошным подлогом общественности, так как в возникновении их псковичи вовсе не были повинны.

До сих пор я останавливался преимущественно на описании тех порядков, которые завели Балахович и Иванов в самом городе Пскове. В псковском уезде режим был не лучше, с тою только разницей, что здесь царила некоторая политическая чересполосица.

Правеж «соловья-разбойника», как окрестили некоторые обыватели режим Балаховича во Пскове, в деревне по необходимости носил все черты спорадического воздействия власти. «Устроение» сельской жизни производилось наскоком, неряшливо, псевдо-либеральные потуги г-на Иванова часто проводились под аккомпанимент партизанской ругани, порки и прочего пренебрежения к личности крестьянина. Одного здесь почти не было: казней. Главные мастера заплочного дела — Балахович и Энгельгард — сидели в самом гор. Пскове и, по соображениям, надо полагать, техническим, все выхватываемые из деревни жертвы для казни свозились во Псков.

Волостные организации общественного гражданского управления, не имея крепкого руководящего центра, созданные на-спех, в обстановке гражданской войны, находившиеся всецело во власти волостных комендантов, естественно не сумели взять верный курс... а волостные комен-

данты, эти фактические хозяева положения, не успокоили мужика в том смысле, что земля за крестьянином и останется, что взыскивать за период революции никто не собирается и что интересы крестьянина для новой власти стоят на первом плане. Больше того, они усиливали путаницу земельных отношений и тем давали серьезную почву для мужицких опасений. Примеров тому много. Комендант Сидоровской волости Псковского уезда на волостном сходе (16-17 июня), довольно большом и оживленном, держал речь к населению. Первая ее часть общего характера была встречена весьма сочувственно. Вторая, касавшаяся земельных отношений, — резко враждебно. Говоря о том, какими землями мужики могут распоряжаться, он определенно заявил, что крестьяне могут распоряжаться только своей землей, прочие земли могут попасть в руки мужика только при условии аренды или покупки ее. В итоге ропот всего схода: «Опять помещика на шею нам посадите», «Мы будем работать, а баре хлеб есть... Не бывать этому». Комендант Логозовской волости за свой страх и риск приказал всем селениям, где были произведены переделы явочным порядком или на основании декретов советской власти, вновь произвести переделы и восстановить прежнее дореволюционное положение в земельных отношениях деревни.

Общая атмосфера, в которой производились те или иные экономические и административные перемены этого периода, как я уже говорил, была крайне удушлива для возрождения здорового народного самосознания. О «батькинском» режиме крестьяне долго помнили.

«Мы ехали, — рассказывает по этому поводу корреспондент бывших «Русских Ведомостей» Л. Львов, — по району, оккупированному год тому назад знаменитым Булак-Балаховичем. Народная память осталась о нем нехорошая. Грабежи и, главное, виселицы навсегда, должно быть, погубили репутацию Балаховича среди крестьянского мира. За 40-50 верст от Пскова крестьяне с суровым неодобрением рассказывают о его казнях на Псковских площадях и о его нечеловеческом пристрастии к повешениям. Практиковавшаяся им порка, когда крестьянин — отец и хозяин — принуждался ложиться под удары, глубоко затронуло сознание крестьянина и оскорбило его чувство человеческого достоинства».

Но вернемся опять в гор. Псков. К концу июня здесь запахло новым переворотом.

В то время, как казенные барды на страницах Ивановского органа «Нов. Россия Осв.», перейдя всякие границы базарного расхваливания «батьки», впали в своего рода религиозный экстаз и писали в № 10: